

Маленький юркий катер бодоро ревел, натягивал стальной канат и тянул тупоносую за черную от времени баржу. Баржа была гружена трубами для буровой скважины.

На палубе пахло ржавчиной и сосновым лесом.

Северные реки капризны. Местами они несутся стремительно, а там, где берега расходятся, они успокаиваются и текут плавно, с важностью.

На барже, на ящике из-под спичек сидит Василий Михайлович Корнев. Он задумчиво слушает игру Петьки-практиканта. Перебирая струны гитары, Петька вплотную напевает:

... Все пройдет, все пройдет
Знай, что поздно или рано
Станет спом, дивным сном
Этот вечер голубой.

Так не плачь, не грусти,
Как царевна Несмеяна —
Это глупое детство
прощается с тобой.

Василий Михайлович слушает внимательно, сосредоточенно. Он похныкает короткой трубкой. Затягиваясь, журнит черные смоляные глаза и отдувается от дыма.

— Ты вот что мне скажи, Петька. — начинается разговор Корнев. — Мотив песни уж больно крепко. Да в толк не возьму я, кто такая самая, эта Несмеяна? Исторно я люблю и прочитал ту самую историю с корочками, а вот Несмеяну не встречал. С чего бы ей плакать, царевне-то?

Петька зажимает струны ладонью, некоторое время молчит, а потом говорит, медленно следя взглядом за улыбающимися деревьями:

— Такой, может, и не было царевны. В народных сказках о ней упоминается. Только я и сам о ней не знаю.

— Ты же студент. Должен был докопаться детально по этому самому случаю. Великое дело докапываться. Искали мы нефть в этом самом районе года три, а толку и на ломаный грош не было. Начальство уже и акт составило о бесплезности этой самой — не ищите, мол, труды напрасные. Да мастер Кораблев встал против, этой самой, бумага. И что ж думаешь? Докопался-таки до нефти. Туда

трубы везем. Вот что значит докапываться.

Петька едет впервые в тайгу, к настоящему делу, и ему все интересно: тайга, река, разговоры о геологах, о настоящих сибиряках. Могучие кедровые сосны вплотную подступают к воде и лобуются своими отражениями.

Иногда по ветке скользнет лоская белка, удивленно сверкнет бусинками глаз и растворится в хвойной зелени. И опять тайга — таинственная, могучая, разлапистая.

— Одноотню гудит катер, поблескивает радужными каплями

Чтоб не ждать, не страдать и не плакать под луной...

Из рубки выходит Терентий Бусыгин.

Это мужчина невысокий, самодовольный, на коротких толстых ногах. Огромные кирзовые сапоги его густо намазаны детгем. Широко лицо, с маленькими рыжеватыми усиками, улыбочкой.

— Так-так, Михайлыч, просвещай мальца. Хвали нашу непутевую жизнь. Да что ты в ней нашел хорошего, прямо не пойму. Ни жены под боком, ни питания нормального... Вот меня взять. Болит печень

тени потянулись от тайги к воде и робко заколебались.

Василий Михайлович поджался, сунул погасшую трубку в карман, провел ладонью по борде, заостряя ее к концу.

— Пойдем. Сыростью потянуло, — сказал он с отеческой заботой. — А этого не слушай. Не впускает он мне доверия. С первого самого дня, понимаешь. Скрипит много... И прошел в рубку.

Петька остался сидеть. Ему подумалось о товарищах, что где-то, может, вот так же плывут таежными северными реками; об Аниоте, девушке с се-

чина. Отличительной чертой последнего была неимоверная сила. Он мог один поднять трубы, какие и двум людям едва были под силу. Петр посмотрел на него и не понял, беспокоит или нет того вынужденная оstarока. Для него, казалось, нет ничего удивительного в этом мире — все принимал как должное.

Трубы решили сносить на берег, а «капитан» на катере должен плыть до буровой и посылать грузовые машины за ними.

К утру машины будут здесь. Значит, медлить с разгрузкой нельзя.

Василий Михайлович поставил в лодку Зубова, на берег — Бусыгина и Аникина с катера. Корнев с Петром остались на барже.

Катер ушел в темноту, осторожно ощупывая воду сильными прожекторным лучом. При свете фонаря трубы стали переносить на берег. Сразу же, как Петр включился в работу, темнота стала не такой мрачной, как вначале.

Василий Михайлович брал трубу почти за середину, с таким расчетом, чтобы конец ее, с береговой стороны, поднимался вверх и тащил ее к краю баржи. Петр стоял там, перехватывая у Корнева трубу и перебирал по ней руками, пока Зубов не брал за середину.

А там следующая... И так долго... Уставать стал Петр, но не хотел этого показывать.

— Ты не спеши... Ты ритмичней, ритмичней. Устаток, тот самый, тогда не скоро тебя одолеет. — поучал Василий Михайлович, а про себя думал: «Такая черновая работа не всякому по нутру. Глядишь, иной новичок покопается так-то, да тягу и задалст. А уж если выдержит, ничто не уберет в человеке ту самую романтику, настоящий искатель из него выйдет. Петька парень бы вроде выйдет. Испытание для него первое сегодня. Выдержит — настоящий человек будет. Сторониться ему Бусыгина надо. Тот просто наплевать может на мечты...»

— Что случилось? — подбежал Корнев к Петьке, когда увидел, что тот схватился за руку и прижал ее к животу.

(Окончание на 4-й стр.)

ИСПЫТАНИЕ

ми канат. Он то и дело касается речной глади, дробит ее, как стекло, на осколки. Василий Михайлович выбывает о ногот пепел из трубки и опять начинает:

— Человечи разные бывают. Один ходит по жизни — пользу там всякую, приносит. Хорошо от него людям. Память о нем остается добротная, долгая. И жить такому человеку интересно. Докопывается он до всего, чего не знает. А научит одно дело — на очереди другое. Так в работах, делах и проходят годы люди. Бывают и другого сорта люди. Фрукт такой живет с куцой мыслничкой, лишь бы себе урвать. Такой уж, за что схватится — не упустит. Есть в тайге деревья такие: огромные, в два обхвата. С виду дерево как дерево, а вот сердцевина с гнильевой. Прокру от него самого ни на грош. Стоит себе поскрипывает, наполняет тайгу этим самым скрипом, а проку ни на грош. Так и фрукт иной. Скрипит, жалится, а пользы людям опять-таки ни на понюшку. И ты, Петька, докапывайся до тонкостей во всяком деле. Польза от этого великая будет. Песня, думаешь, почему эта самая до сердца доходит? Опять же потому, что музыкант до тонкостей мотив довел. Как там про царевну? А ну, спой!

Петька снова трогает струны и напевает:

... Или просто тепла и любви сердечку надо,

у меня! Так разве жизнь такая на пользу пойдет? Ни в коем случае. Твердо заверяю. Поплаваешь, годок-другой и концы отдашь. В расчет это надо брать при всех обстоятельствах. Одно устраивает людей в нашей жизни — платят неплохо. А то бы я давно тягу дал. — Голос Терентия мягкий, нежный, почти девичий. И когда он говорит, то шурит правый глаз, будто старается подмигнуть собеседнику. — Такое же опять и во вниманье возьми. В прошлое лето Загневского пришло — из строя вышел человек. Сладко ли в нашей профессии? Вот то-то.

— А ты давно по тайге-то ходишь? — деловито замечает Василий Михайлович. — Нет. Я мало бывал. Дураков не ищи.

Терентий достал из кармана папиросу и прикурнул от трубки Корнева. Подымил, посмотрел равнодушно на сосну, склонившуюся до самой воды, хмыкнул себе в усы и ушел в рубку разлапистой, медвежьей походкой.

Корнев долго не заговаривал. Он сердито дышал, не смотрел в глаза Петру.

Осенний воздух ближе к вечеру студенел. Вода морщилась, холодно поблескивала. Все чаще и чаще показывались смущенные березки в прозрачной желтизне. Они подбирали наряды выше колен и спешили уйти назад от любопытных глаз. Сумеречны

рыми бархатистыми глазами, которой так и не сказал ни одного ласкового слова, хотя и берег их для нее великое множество. Баржа неожиданно ткнулась, и Петька чуть не упал навзничь.

Катер в бессилии заревел. Канат натянулся до предела и готов был лопнуть в любой момент. Торопливо вышел Василий Михайлович. Остановился у кормы и грубо выругался.

— Черт... Завсегда эти, таежные реки, подарочек не ко времени подносят. — Он обернулся к Петьке и заметил: — посчитай три — пять дней проstrom. Да ждать не резон нам. Трубы нужны позарез.

Как-то сразу обступила баржу темнота, и тайга хмуро зашумела в стороне. Отчетливее стали доноситься звуки из глубины тайги.

Катер, после нескольких попыток сдернуть баржу, стал подливать к ее борту. Корнев сделался сосредоточенным, м. пружинистым. Он ловко перемахнул на катер и подошел к капитану, так называли все штурманского. Василий Михайлович остановился от него в двух шагах, сунул руки в карманы и спокойно стал говорить. Голос тихий и слова трудно различимы. Все молчали, ожидая решения старших.

Рядом с Петром остановился Терентий, подошли Михаил, никогда почти не выходивший из рубки, и Василий Зубов, доловязый, молчаливый муж-